

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 167–174
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 167–174

Научная статья
УДК 94(470.42)
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174>

Немецкая политика и пропаганда в области культуры на территории Генерального округа Белоруссия в 1941–1944 годах

Е. А. Пушкаренко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

Пушкаренко Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, pushkarenko-elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3048-9321>

Аннотация. В статье рассматривается проблема политики и пропаганды в области культуры гражданской немецкой администрации на территории Генерального округа Белоруссия. Цель исследования – проанализировать содержание материалов немецкой пропаганды в области культуры, определить ее основные направления, цели и эффективность, а также содержание реальной оккупационной политики в сфере культуры. Методы исследования – анализ и синтез. Исследователь приходит к выводу, согласно которому истинными целями немецкой политики и пропаганды в области культуры были стремление обеспечить спокойный тыл и привлечь население округа к решению собственных экономических задач. Автор считает, что эффективность пропаганды нивелировалась крайне жестоким оккупационным режимом, политикой «выжженной земли», методами борьбы с партизанами, вербовок оstarбайтеров, а также партизанской контрпропагандой.

Ключевые слова: немецкая пропаганда, Генеральный округ Белоруссия, Вторая мировая война, Вильгельм Кубе, «белорусизация», коллаборационизм, культурная политика

Для цитирования: Пушкаренко Е. А. Немецкая политика и пропаганда в области культуры на территории Генерального округа Белоруссия в 1941–1944 годах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 167–174. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174>

German cultural policy and propaganda in the territory of the General district of Belarus in 1941–1944

Elena A. Pushkarenko

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

Elena A. Pushkarenko, pushkarenko-elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3048-9321>

Abstract. The article deals with the problem of policy and propaganda in the field of culture of the German civil administration in the territory of the General District of Belarus. The aim of the research is to analyze the content of German propaganda materials in the field of culture, to determine its main directions, goals and effectiveness, as well as the content of the real occupation policy in the field of culture. Research methods-analysis and synthesis are applied in the article. The researcher comes to the conclusion that the true goals of German policy and propaganda in the field of culture were the desire to provide a calm rear, to attract the population of the district to solve their own economic problems. The author believes that the effectiveness of propaganda was leveled by the extremely brutal occupation regime, the policy of «scorched earth», methods of fighting partisans, recruiting ostarbeiters and partisan counter-propaganda.

Keywords: German propaganda, General district of Belarus, World War II, Wilhelm Kube, «Belarusization», collaboration, cultural policy

For citation: Pushkarenko E. A. German cultural policy and propaganda in the territory of the General district of Belarus in 1941–1944. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 167–174 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В последние годы Россия и страны на постсоветском пространстве сталкиваются с различными вызовами, в том числе морально-этического, ценностного, идеологического характера. В их число входят попытки фальсификации истории,

разжигание национальной розни, столкновение между собой соседних народов, акцентуация в публичном пространстве темы взаимных «национальных обид» и т. д. В этой связи наше исследование представляется актуальным и значимым, ведь

в годы Великой Отечественной войны немецкие власти на оккупированной советской территории использовали аналогичные методы.

Новизна исследования обусловлена его объектом. В современной отечественной историографии крайне мало работ, посвященных проблеме использования пропаганды идей национального и культурного возрождения как инструмента оккупационной политики на территории захваченных советских республик, в данном случае БССР. При этом феномен белорусской культуры в годы Великой Отечественной войны как таковой получил освещение в ряде исследований зарубежных и российских исследователей. Так, отдельные аспекты оккупационной политики немецкой гражданской администрации в области культуры на территории Генерального округа Белоруссия были рассмотрены в работах польского историка Ю. Туронка¹ и немецкого исследователя Й. Шлоотца².

К проблеме причиненного немецкими оккупантами ущерба обращались белорусские исследователи, в том числе С. Я. Новиков³, А. М. Литвин⁴, А. А. Коваленя⁵. В последние годы в Белоруссии вышел ряд коллективных монографий⁶, посвященных общей проблематике военной истории на белорусской земле в годы Великой Отечественной войны⁷. При этом феномен немецкой пропаганды на оккупированной территории советской Белоруссии и в особенности проблемы культурной политики оккупационных властей требует дальнейшего детального изучения.

В годы Великой Отечественной войны белорусская культура в пределах Генерального округа Белоруссия пережила своеобразный подъем, инициатором которого выступил глава немецкой гражданской администрации Вильгельм Кубе. Идея так называемой «белорусизации», предложенная им, включала целый ряд составляющих. Это и возрождение культуры и языка, и возобновление церковной жизни, и популяризация достижений мировой и белорусской культуры среди населения округа, и открытие школ и высших учебных заведений. Культурная политика немецких властей исходила из того, что белорусский край на протяжении долгого времени существовал в условиях целенаправленной русификации и полонизации, полного отрицания феномена белорусской культуры, языка, истории. Эти обстоятельства, как нельзя лучше, способствовали пропагандистским слоганам о том, что только политика немецких властей станет предпосылкой «возрождения национального самосознания и культуры»⁸.

В. Кубе считал, что для успешного господства в белорусском крае необходимо учитывать «его наиболее тяжелое положение среди стран рейхскомиссариата Остланд». Причину этого он видел «в более чем 20-летнем нахождении Белоруссии под властью Польши и большевиков». «В Белоруссии положение осложнялось еще и тем, что здесь постоянно проходят войска, а теперь остались коммунисты и партизаны. В годы советской

власти на белорусских землях хорошо жили евреи и русские, а местные рабочие, крестьяне, ученые находились под жидовским гнетом. Культура Белоруссии уничтожалась: церкви разграбили большевики, а поляки проводили полонизацию. Чтобы навести здесь порядок, отмечал Кубе, необходимо, в первую очередь, уничтожить большевизм и его последствия, остановить рост партизанского движения, провести реприватизацию, поднять зарплату местным служащим и рабочим до уровня Прибалтики, начать издание белорусскоязычной литературы, особенно учебников». Он считал необходимым «развивать школьную систему, запретить употребление русского и польского языка, как отголоска большевистского и польского режимов». Кубе предложил наладить отношения с православной церковью, а также «попытаться найти взаимопонимание с католической»⁹.

В. Кубе изначально сделал ставку на пропаганду, как средство реализации оккупационных экономических и политических задач. Его двухлетняя деятельность в должности Генерального Комиссара была направлена на приобретение симпатий населения путем определенных уступок, по крайней мере внешних, в области культуры, религии, образования. Уже в его первом обращении «К жителям Белоруссии» от 22 сентября 1941 г. вообще декларировалось свободное развитие края в составе «Новой Европы». В нем говорилось: «Белорусы! Первый раз в вашей истории победа Германии дает вам возможность обеспечения вашему народу свободного развития и светлого будущего без российско-азиатско-большевистского гнета и чужеземного владычества. Я надеюсь, что каждый из вас понимает, что его интересы тесно связаны с интересами Германии, и что вы будете верными последователями и помощниками немецкого руководства»¹⁰.

Кубе исходил из того, что без определенных политических уступок он не сможет рассчитывать на поддержку местных национально ориентированных сил, а также националистов и коллаборационистов. В их лице он видел главную опору в проведении мероприятий оккупационной власти в относительно «мирных» условиях, без ухудшения отношений с местным населением и разжигания его враждебных чувств к немцам, что угрожало бы впоследствии развитием партизанской борьбы. Ставка Кубе на белорусский национализм проявилась в открытии школ, в восстановлении церковной жизни, провозглашении так называемой автокефальной православной церкви Белоруссии, в привлечении к сотрудничеству части местной интеллигенции и белорусских эмигрантов, вернувшихся домой. Большинство прибывших в Минск деятелей берлинской, варшавской и виленской эмигрантских группировок получило те или иные должности, связанные со сферой идеологии и пропаганды. Например, Сенкевич был назначен редактором «Минской газеты» (в дальнейшем «Белорусской»). Редакторами газеты

«Голос села» были тот же Сенкевич и Короленко. Акинчиц стал организатором «школы пропагандистов», воспитанниками которой были будущие пропагандистские кадры из числа белорусских коллаборационистов – Ганько, Колядко, Шевцов и другие¹¹.

С начала оккупации часть белорусской интеллигенции, восприняв первые обращения Кубе в области развития «белорусской идеи» за чистую монету, а вместе с ними и представители коллаборационизма пытались повлиять на политику новой власти в сфере культуры. Довольно быстро была возобновлена деятельность радиосети и зазвучали передачи на белорусском языке. Радио стало одним из главных средств пропаганды. Транслировались как передачи, посвященные истории и культуре Белоруссии, так и творчеству немецких композиторов и писателей. Запрещалось, разумеется, все, что было связано с культурными достижениями советского периода, и, наоборот, вспоминали забытые имена деятелей белорусской культуры. В содержании радиопередач можно выделить три направления: популяризация образцов европейской и в особенности немецкой культуры, возрождение имен известных исторических и культурных деятелей Белоруссии, знакомство аудитории с белорусской историей и культурой и собственно пропаганда, которая активно внедряла в массовое сознание идею пагубности для белорусов «московского» культурно-исторического влияния.

Интересно привести программу радиотрансляций за ноябрь – декабрь 1943 г.: первый раздел под названием «Белоруссия – наша Родина» включал такие темы, как «Похоронный обряд в Белоруссии», «Реки Белоруссии», «Всебелорусский конгресс в Минске»; второй раздел «Белорусская культура» составляли такие темы, как «Белорусская культура в 19-м столетии», «Белорусский театр», «Поэзия Л. Гениюш»; третий раздел «Говорит Белоруссия» состоял из сообщений антисоветского содержания, например, «Как большевики уничтожали книги», «Советская действительность», «Белорусы в войне за жизнь Европы», «Мы и большевики», «Большевизм – лютей враг белорусского народа»; четвертый раздел «Молодая Белоруссия борется» пропагандировал идею создания так называемой «Новой Европы» и роль в ее построении белорусской молодежи, призывал ехать на работу в «рейх», вступать в «Союз белорусской молодежи». По радио звучали также произведения Баха, Моцарта, Листа; зачитывались отрывки из произведений Шиллера («Коварство и любовь»), Чехова («Медведь»), Тоголя («Майская ночь»), а также декламировались стихи белорусского поэта Богдановича¹².

Белорусскую аудиторию знакомили с произведениями репрессированных советской властью поэтов, писателей, музыкантов. Например, Белорусский драматический театр (БДТ) представил оперу «На Купалье», авторы которой – компо-

зитор Теровский и поэт Чарот – стали жертвами политических репрессий. В репертуар БДТ входили также произведения европейской, русской и белорусской классики. Например, редактор «Белорусской газеты» А. Адамович занимался переводами произведений немецких авторов на белорусский язык. В марте 1943 г. по договору с отделом искусств Минского городского комиссариата он перевел для БДТ пьесу немецкого драматурга Грубера «Юленька»¹³. А в июле 1942 г. для радиоэфира была подготовлена программа «Белорусская камерная музыка», в которую вошли романсы и песни на слова известных белорусских поэтов В. Дунина-Марцинкевича, М. Богдановича и Н. Арсеньевой в исполнении артистов БДТ А. Костенича, Г. Лапина и М. Банатич¹⁴.

От артистов требовали хорошего владения белорусским языком и политической благонадёжности, которая выяснялась после заполнения соответствующей анкеты, включавшей вопросы о национальной и партийной принадлежности, вероисповедании, политических убеждениях¹⁵.

При БДТ существовала цирковая труппа, гастролировавшая по территории округа и выступавшая в «домах культуры». Кубе приказал организовать при этих учреждениях кружки белорусской художественной самодеятельности. Руководство «кружками» возлагалось на местные учительские кадры. Здесь занимались изучением национальных белорусских песен и традиций, немецких стихов и маршей, а также декламацией стихов на белорусском и немецком языках, посвященных Гитлеру. Один из подобных «домов культуры» был основан в июле 1942 г. в г. Лепеле. В учредительных документах организации говорилось: «Этот дом культуры основан для развития культурной жизни г. Лепель и для укрепления дружеских чувств его жителей к Великому Германскому Народу в составе следующих отделов – образования, искусств, игр, спорта. Первый отдел будет знакомить своих членов с наукой и литературой Германии, с деятельностью А. Гитлера, с его планом «Нового порядка в Европе». Другой отдел будет выявлять художественные способности своих посетителей и будет состоять из музыкального, хорового, драматического и художественного кружков. Третий – через игры и спорт – будет содействовать физическому воспитанию его членов... Членом дома культуры может стать любой русский в возрасте 16 лет, что будет способствовать его личному и общественному развитию»¹⁶.

Духом обеспокоенности о культурной жизни «освобожденных народов» были проникнуты и соответствующие статьи в белорусско- и русскоязычных изданиях, выходивших под контролем оккупационных властей. В публикуемых материалах проводились две пропагандистские линии: первая разоблачала угрозу для всего «культурного мира» возможной победы большевиков. Например, в статье, опубликованной в газете «Новое слово»,

говорилось: «Большевизм – угроза мировой культуре; в случае победы советов погибнет все высокородное – философия, искусство, религия – все, что ниспослано Богом». Другая линия была ориентирована на пропаганду исключительной роли Германии в деле возрождения белорусской культуры и национального самосознания белорусского народа. Наиболее последовательно эта идея проводилась такими изданиями, как «Баранавіцкая газета», «Пагоня», «Менская газета» и др.¹⁷

Примечательно, что пропаганда «культурного и национального возрождения» резко контрастировала с реальной политикой немецких оккупационных властей на Востоке. В одном из обращений В. Кубе к А. Розенбергу сообщалось, что по приказу Г. Гимmlера множество ценных предметов искусства Белоруссии было отправлено в Германию, а также о разграблении музея первобытной истории и оборудования университета в Минске¹⁸. При этом подчиненными Розенберга уже был создан специальный «штаб для учета и эвакуации культурных ценностей с территории занятых восточных областей». А сам Розенберг в соответствии с приказом Гитлера от 1 марта 1942 г. был наделен полномочиями по изъятию и использованию культурных и научных ценностей в пределах «Остланда». Хотя конфискации подлежало имущество «еврейских, франкомасонских и близких к ним организаций», в этот разряд попали и так называемые «бесхозные ценности» и предметы с «неустановленным происхождением». Таким образом, культуре Белоруссии с первых дней оккупации был нанесен огромный и невозполнимый ущерб. Это фактическое уничтожение культурного наследия белорусского народа шло вразрез с демагогическими заявлениями немецких пропагандистов о возрождении белорусского языка и культуры.

Иллюстрацией к реальной политике немецких властей в области культуры «освобожденных народов» служат слова главы нацистского рейха: «Если мы будем обучать русских, украинцев и киргизов читать и писать, то впоследствии это обернется против нас. Образование даст более развитым из них возможность изучать историю, овладеть историческим опытом, а отсюда развивать политические идеи, которые не могут не быть губительными для наших интересов. Нельзя, чтобы они знали больше, чем значение дорожных знаков. Обучение в области географии может быть ограничено одной-единственной фразой «столица рейха – Берлин». Математика и все прочее совершенно не нужно»¹⁹.

Настоящему глумлению подверглось культурное достояние народов Белоруссии. Нормы поведения германских солдат относительно культурных ценностей «освобожденных народов» были сформулированы в приказе генерал-фельдмаршала фон Рейхенау. В нем подчеркивалось, что «никакие исторические или художественные

ценности на Востоке не имеют значения»²⁰. Эти указания в полной мере претворялись оккупантами и на белорусской земле. За 1941–1944 гг. нацисты уничтожили в Белоруссии свыше 500 крупных памятников культурного и научного значения, нанесли крупнейший урон культурным учреждениям Республики. Ими было разрушено свыше 5300 клубов и красных уголков, более 200 библиотек, 26 музеев. Ущерб, причиненный захватчиками только учреждениям сферы искусства, исчислялся в 163,4 млн советских рублей. В Минске захватчики уничтожили государственную картинную галерею, расхитили представлявшие значительную ценность картины и скульптуры (более 500 произведений). Были разгромлены Белорусский театр оперы и балета, 1-й Белорусский драмтеатр, Дома союзов писателей, художников и композиторов. Все, что представляло какую-либо материальную или художественную ценность, объявлялось собственностью «рейха» и вывозилось в Германию.

Очевидно, что подобная практика резко контрастировала с демагогично объявленной В. Кубе идеей «белорусизации» и «возрождения культуры» и полностью нивелировала деятельность отделов культуры и пропаганды. Именно эти негативные последствия для пропагандистской работы Генерального Комиссариата стали причиной неоднократных обращений В. Кубе к руководству. Например, в письме к А. Розенбергу от 29 сентября 1941 г. он признавал, что в университете «бессмысленно уничтожены и разграблены приборы стоимостью в миллионы марок»²¹.

Некоторые изменения, как в оккупационной политике, так и в содержании пропаганды, произошли в 1942 г. Их причиной стало развитие событий на Восточном фронте. Обеспечить дальнейшее использование человеческих и природных ресурсов в тылу вермахта можно было только при условии нормальных взаимоотношений с местным населением. Как следствие, Розенберг сформулировал ряд идеологических клише и установок для пропаганды об уважительном отношении к национальному своеобразию восточных народов и о роли Германии как покровительницы и защитницы этих народов. Отныне запрещалось употреблять слово «колония» либо рассказывать о колонизаторских планах нацистов относительно «восточных территорий»²².

С этого момента в пропагандистских целях запрещалось употреблять в СМИ слова «Россия» и «Русское Отечество». Вместо них предлагалось использовать словосочетания «народы России» и «белорусский народ»²³.

У Кубе эта доктрина вылилась в очередное пропагандистское обращение к населению округа: «В условиях свободы от польского и российского шовинизма и советско-большевистской идеологии белорусы впервые за свою историю получили возможность для своего национального развития». Было заявлено о необходимости ликвидации

последствий влияния «чужеземных идеологий» и укрепления «собственного этнического элемента». Этой цели должны были служить развитие просвещения, культуры, деятельность церкви, воспитание у молодежи национального самосознания. Утверждалось, что только в случае, если Белоруссия выберет для себя курс на сотрудничество с немецкой властью, она не только найдет свой путь в европейское сообщество и примет участие в создании «Новой Европы», но и получит возможность для национального возрождения. Ключевым лозунгом этого периода стал лозунг «Белоруссия для белорусов». Воплощению этой задачи должны были послужить основанные в 1942 г. разнообразные культурные, общественные и иные организации, например, «Белорусское научное общество»²⁴, «Белорусские профсоюзы»²⁵, «Судебный аппарат Белоруссии»²⁶, «Всебелорусский женский комитет»²⁷. Само их наличие должно было быть доказательством доверия немецких властей к белорусам, уважения к их стремлению организовать собственные общественные и административные структуры.

В инструкции отдела пропаганды для местных кадров начала 1943 г. «О популяризации мероприятий немецкой власти и белорусско-немецкого сотрудничества» говорилось: «Общественно-политические мероприятия имеют исключительное значение для белорусского народа и заслуживают широкой популяризации, как в городах, так и в деревнях. Надо расширять пропаганду на все слои общества в форме докладов и бесед на предприятиях среди рабочих и служащих, а также среди сельских жителей. В результате этой разъяснительной работы станет понятной политика немецкой власти в отношении белорусов». В документе предлагалось акцентировать внимание аудитории на ряде базисных пунктов. Например, что 22-ое июня 1941 года является «исторической датой начала освобождения белорусов от жидо-большевистской системы», что «сталинская армия вскоре будет отброшена на Восток и окончательно разбита». Рекомендовалось также апеллировать к национальным чувствам белорусов, используя заранее заготовленные клише: «Богатый в прошлом белорусский край, доведенный большевиками до полной разрухи, экономического и культурного упадка, теперь навсегда освободился от бесчеловечного гнета жидо-большевиков, от голода и нищеты, от невиданного в истории всех времен и народов дьявольского террора НКВД. Возшло солнце национальной справедливости, белорусский народ впервые получил право бороться за светлое будущее вместе со всеми культурными народами Европы. Немцы пришли в Белоруссию не с целью порабощения и грабежа, как утверждает советская пропаганда, а изгнали ненавистный белорусскому народу жидо-большевизм и вместе с лучшими представителями белорусского народа восстанавливают разрушенные большевиками экономику и культуру страны»²⁸.

В контексте предложенной программы проходила пропагандистская деятельность коллаборационистских организаций, в том числе Белорусской народной самопомощи (БНС), которая наладила издание книг и брошюр по культурно-исторической и национальной тематике, например, «Кривия – Белоруссия в прошлом» Станкевича, «Белорусский песенник», «Сборник белорусских пьес», «Что надо знать каждому белорусу»²⁹.

Особое место в пропаганде в области культуры занимала такая форма работы, как организация и проведение народных праздников. Например, в июле 1942 г. в Минске на берегу Свислочи БНС организовала массовое празднование Купалья. В праздничную программу входили танцы, песни, народная музыка, купальские костры и выступления пропагандистов об исключительной роли Гитлера в деле «освобождения Белоруссии» и обретенной возможности празднования древних национальных праздников, запрещенных большевиками³⁰.

Национальную сущность проводимых пропагандистских мероприятий должны были подчеркнуть и другие акции оккупационной власти. К их числу можно отнести переименование улиц в Минске, в том числе в честь известных деятелей белорусской культуры. Например, улицу М. Горького переименовали в честь М. Богдановича, улица А. С. Пушкина стала носить имя Ф. Скорины, а светлое имя «возрождение» получила улица К. Маркса³¹.

В 1943 г. по инициативе В. Кубе в округе прошла пропагандистская кампания о «нордической крови белорусов». В соответствии с новой теорией национального происхождения белорусов они относились к числу этносов, стоящих на более высокой ступени, чем русские. Это объяснялось тем, что белорусы, а вместе с ними украинцы и «русские Севера», «имели общие этнические корни с викингами и развивались под их культурным влиянием»³².

При этом белорусские коллаборационисты наивно рассчитывали, что переименование улиц и издание националистических брошюр выльется в признание права на учреждение собственной государственности. Например, в марте 1943 г. на съезде окружных глав БНС и военных референтов Центральная Рада БНС составила меморандум по вопросам национальной и культурной политики и адресовала его Кубе. «Белорусская интеллигенция не может противостоять вражеской пропаганде, поскольку сама не знает конкретных условий вступления Белоруссии в Новую Европу, – говорилось в нем, – съезд считает целесообразным предложить следующие мероприятия, которые еще могут вернуть энтузиазм в народе для борьбы за Новую Европу: обозначить идеологическую и организационную основу вхождения Белоруссии в состав Новой Европы, признать ее независимость; создать национальное правительство,

которое объявит об отделении от СССР и объявит ему войну, как врагу белорусского народа; отменить большевистские законы; организовать Белорусскую Национальную Армию; привлечь в Белоруссию эмигрантские силы»³³.

Однако подарка в виде суверенитета от своих «освободителей» белорусские коллаборационисты так и не дождались. А немецкая администрация продолжала активно муссировать тему «возрождения культуры», чему были посвящены «недели белорусской культуры», которые стали проводить с весны 1943 г., но дальше этого дело не пошло. Одна из первых «недель» прошла в период с 23 мая по 30 мая 1943 г. и включала чтение докладов на тему «Исторические пути белорусской литературы и ее современные задачи» и празднование юбилея Ф. Сяхоновича. Планировалось издание сборника стихов белорусских поэтов Л. Гениуш и Н. Арсеньевой³⁴. Регулярно с 1942 г. проходили выставки произведений белорусских художников. Их организовывали 2 раза в год в крупных городах округа, например, в Минске, Барановичах, Слониме. Экспонировались картины таких художников, как Дучиц, братьев Волковых и Тихоновичей, Гембицкого, Севрука и др.³⁵

Медалями для «народов Востока» были отмечены местные пропагандистские кадры из числа коллаборационистов, активно участвовавшие в многочисленных «культурных мероприятиях», а именно Ганько, Адамович, Козловский, Сенкевич, Абрамович, Найдюк, Кипель, Ермаченко³⁶.

Практически накануне освобождения Белоруссии от фашистов с подачи оккупационной администрации были основаны Белорусское культурное объединение (БКО) и Белорусское научное товарищество (БНТ) – в феврале и марте 1944 г. соответственно. Целью их создания было объявлено «развитие белорусской науки и культуры»³⁷. В Статуте БНТ, подписанном Кубе еще в 1943 г., говорилось: «Чтобы удовлетворить стремления к развитию и подъему белорусской культуры и науки и сделать возможной организацию научной работы в Белоруссии, распоряжаюсь об основании в Минске БНТ и наделяю его Статутом». Для проведения своей работы члены БНТ предполагали повсеместное основание на территории округа секций белорусоведения, природоведения, математики, техники, искусства и литературы³⁸.

Однако деятельность этих объединений не ограничивалась вопросами исключительно «национального и культурного возрождения». С одной стороны, многие из их членов были известными деятелями культуры – музыкантами, поэтами, писателями (М. Щеглов, Н. Арсеньева, Л. Гениуш, Ю. Витьбич), но, с другой стороны, они же участвовали в пропагандистских акциях под руководством белорусских коллаборационистов И. Ермаченко, Е. Калубовича, В. Кипеля. «Беларуская газета», на страницах которой впервые публиковались произведения этих авторов, отмечала, что «1944 год стал годом настоящего

расцвета культуры, когда поэты и писатели работают свободно, без «социального заказа»³⁹.

Действительно, такое впечатление может возникнуть, если забыть о Хатыни и тысячах других сожженных белорусских деревень, геноциде евреев, принудительных вербовках оstarбайтеров, разграблении белорусских музеев, библиотек. Пропаганда и реальная политика немецких оккупационных властей в области культуры диаметрально расходились. Так, немцами были вывезены из Центральной библиотеки Минска в Германию 1,5 млн книг, в том числе собрание старопечатных изданий Ф. Скорины, первое издание Литовского Статута, рукописи Янки Купалы, Максима Богдановича, библиотеки Академии наук, государственного университета, политехнического института. Гитлеровцы разрушили БГУ вместе с зоологическим, историко-археологическим и геолого-минералогическим музеями, уничтожили медицинский институт со всеми его клиниками; разгромили Академию наук с девятью институтами, зоологическим и геологическим музеями, ботаническим садом (из последнего вывезли в Германию лучший в Европе гербарий); уничтожили политехнический институт; разрушили Государственную филармонию и консерваторию⁴⁰. Единственное, что оставили немецкие оккупанты белорусам, — возможность разговаривать на белорусском языке на 1/4 части территории БССР, чтобы обучать и воспитывать детей в духе преданности нацистской Германии. Разговоры немецких пропагандистов о «расцвете белорусской культуры» звучали попросту абсурдно на фоне проводимых в зоне действия партизан карательных акций, чем еще более стимулировали развитие партизанского движения. Об отрицательном влиянии политики «выжженной земли» на эффективность пропагандистской работы неоднократно докладывал своему руководству Генеральный Комиссар округа – В. Кубе. Например, в июне 1943 г. он сообщал, что среди 5000 убитых в ходе операции «Котбус», «которые якобы сотрудничали с партизанами, много женщин и детей». Кубе предупреждал, что политические последствия этих акций катастрофические⁴¹. В другом рапорте на имя Лозе он был еще более резок: «Массовые расстрелы или сжигание женщин и детей не имеют ничего общего с гуманным ведением войны. Количество деревень, уничтоженных во время крупных полицейских операций, превышает количество деревень, сожженных партизанами. Если такими методами действовать и дальше, нечего рассчитывать на успокоение края. Карательные экспедиции порой превращаются в кровавые оргии, и это не только уничтожает доверие населения к немецкому руководству, но в первую очередь отнимают уверенность у белорусов, которые с нами сотрудничают...»⁴².

Слова Кубе отнюдь не означают, что он искренне переживал о судьбах белорусского народа и стремился остановить его геноцид. Кубе был

членом НСДАП, разделявшим идеологию и ценности создателей «вечного рейха». Его неоднократные обращения к вышестоящему руководству свидетельствуют лишь о чисто утилитарном стремлении извлечь максимальные материальные и людские ресурсы (вербовки оstarбайтеров) белорусской земли через использование пропаганды.

Таким образом, инициированная В. Кубе политика так называемой «белорусизации» должна была служить, с одной стороны, воспитанию белорусов исключительно в националистическом духе, а с другой – способствовать привлечению местного населения к решению экономических задач гражданской администрации округа. Определенный культурный подъем, который наблюдался в период немецкой оккупации белорусской земли, был связан с именами известных представителей культуры – Л. Гениуш, Н. Арсеньевой, А. Соловья, М. Щеглова – произошел только в узких рамках белорусского коллаборационизма и не затронул широкие народные массы. Пропаганда немецких властей в области культуры в Генеральном округе Белоруссия включала две линии: распространение идеи «возрождения национальной культуры и языка», с одной стороны, и формирование в массовом сознании убежденности в том, что будущее Белоруссии связано исключительно с нацистской Германией и «Новой Европой» – с другой.

Отношение населения к проводимой немцами пропаганде в области культуры, в том числе так называемой «белорусизации» было двояким. Части белорусской интеллигенции поначалу импонировала идея возрождения белорусской культуры и создания некоего подобия представительских учреждений под контролем «освободителей». Основная же масса населения (крестьянство), была слишком далека от проблем возрождения культуры и языка, поскольку ежедневно сталкивалась с целым рядом более насущных вопросов. Население округа испытывало ужас от методов борьбы с партизанами, практиковавшихся силами СС и СД, которые не подчинялись немецкой гражданской администрации. Политика «выжженной земли», т. е. уничтожения целых деревень с их жителями, находившихся в зоне действия партизан, геноцид евреев, принудительные «вербовки» оstarбайтеров, необходимость выполнения все возрастающих норм поставок сельхозпродукции – все эти факторы в совокупности нивелировали усилия немецких пропагандистов. Помимо этого, мощное идеологическое воздействие оказывала партизанская контрпропаганда. Всего за годы Великой Отечественной войны на территории Белоруссии действовало 1255 советских партизанских отрядов. Эти формирования насчитывали более 374 тыс. вооруженных бойцов⁴³.

Контрпропаганда, которую осуществляли партизаны, существенно снижала эффективность массовой немецкой пропаганды. Она

давала представление о реальном положении на советско-германском фронте и вселяла уверенность в Победу над немецко-фашистскими захватчиками.

Примечания

- 1 См.: Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Минск : Беларусь, 1993. 235 с.
- 2 См.: Шлоотц Й. Немецкая пропаганда в Беларусі, 1941–1944 : Конфронтацыя между прапагандай і дзейнасцю : Выставка в Берліне, Мінску і Маскве. Берлін : Свободны ўніверсітэт, 1997. 80 с.
- 3 См.: Новікаў С. Я. Беларусь у гады нацысцкай акупацыі у айчынным і замежнай гістарыяграфіі // Весці НАН Беларусі, сер. гуманіт. навук. 2005. № 1. С. 42–54.
- 4 См.: Литвін А. М. К вопросу о количестве людских потерь Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Беларусь у XX стагоддзі : [Зб. Навук. прац] / навук. рэд. В. П. Андрэеў. Вып. 1. Мінск ; Томск : Водолей, 2002. 191 с.
- 5 См.: Коваленя А. А. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны). Минск : Издательский дом БГУ, 2004. 280 с.
- 6 См.: Беларусь в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. А. А. Коваленя. Минск : Белта, 2005. 544 с.
- 7 См.: Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны. Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства. Мінск : Беларуская навука, 1999. 251 с.
- 8 Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 411 (Отдел пропаганды при Верховном командовании группы армий «Центр», г. Смоленск). Оп. 1. Д. 1. Л. 30.
- 9 Там же. Ф. 370 (Генеральный Комиссариат Белоруссии (ГКБ), г. Минск). Оп. 1. Д. 1272. Л. 151.
- 10 Туронак Ю. Указ. соч. С. 123.
- 11 См.: НАРБ. Ф. 384 (Центральное управление Белорусской самопомощи). Оп. 1. Д. 4. Л. 8.
- 12 См.: НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1279. Л. 102.
- 13 См.: Там же. Ф. 393 (Минский окружной комиссариат). Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
- 14 См.: Там же. Ф. 370. Оп. 6. Д. 11. Л. 15.
- 15 См.: Там же. Ф. 411. Оп. 1. Д. 6. Л. 40.
- 16 Там же. Ф. 411. Оп. 1. Д. 50. Л. 20.
- 17 Там же. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1314. Л. 5-10.
- 18 См.: Туронак Ю. Указ. соч. С. 78.
- 19 Новікаў С. Я. Нямецкі архіў. Дакументы Трэцяга рэйха аб акупацыі Беларусі 1941–1944 гг. // Бел. Думка, 2003. № 5. С. 54.
- 20 Беларусь в годы Великой Отечественной войны... С. 78.
- 21 Новікаў С. Я. Нямецкі архіў. Дакументы Трэцяга рэйха аб акупацыі Беларусі 1941–1944 гг. С. 46.
- 22 Туронак Ю. Указ. соч. С. 78.
- 23 НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 2390. Л. 103.
- 24 Там же. Ф. 386 (Белорусское научное общество при Белорусской центральной раде, г. Минск). Оп. 1. Д. 1. Л. 1-5.
- 25 См.: Там же. Ф. 555 (Центральное бюро профессио-

- нальных союзов (профсоюзов) Белоруссии, г. Минск). Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- ²⁶ Там же. Ф. 396 (Минский окружной суд). Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
- ²⁷ Там же. Ф. 384 (Всебелорусский женский комитет). Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
- ²⁸ Там же. Ф. 411. Оп. 1. Д. 21. Л. 26.
- ²⁹ Там же. Ф. 908 (Ермаченко Иван Абрамович). Оп. 1. Д. 7. Л. 6.
- ³⁰ Там же. Ф. 370. Оп. 1. Д. 423. Л. 22.
- ³¹ Там же. Ф. 411. Оп. 1. Д. 6. Л. 96.
- ³² Там же. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1355. Л. 90.
- ³³ Там же. Ф. 908. Оп. 1. Д. 2. Л. 3-4.
- ³⁴ Там же. Ф. 569. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.
- ³⁵ Там же. Ф. 411. Оп. 1. Д. 31. Л. 12.
- ³⁶ Там же. Ф. 4-П (ЦК Коммунистической партии Белоруссии (КПБ), г. Минск). Оп. 33 а. Д. 610. Л. 59-60.
- ³⁷ Там же. Ф. 908. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.
- ³⁸ Там же. Ф. 370. Оп. 1. Д. 419. Л. 38.
- ³⁹ Там же. Ф. 370. Оп. 1. Д. 2395. Л. 62.
- ⁴⁰ См.: Беларусь в годы Великой Отечественной войны... С. 444.
- ⁴¹ См.: Туронак Ю. Указ. соч. С. 141.
- ⁴² Там же. С. 142-143.
- ⁴³ См.: Беларусь партизанская. Иллюстрированная энциклопедия партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны / под общ. ред. А. М. Литвина. Минск : Белорусская Энциклопедия им. Петруся Бровки, 2019. С. 252.

Поступила в редакцию 15.12.2020, после рецензирования 22.12.2020, принята к публикации 28.12.2020
Received 15.12.2020, revised 22.12.2020, accepted 28.12.2020